

УДК 130.2+141.72

Социобиологическая модель половых различий и ее репрезентации в современной культуре

© Чеснокова О. И.

*Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»,
Витебск*

В статье рассматривается процесс формирования интегративной модели гендерной инкультурации, которая соединяла бы в себе положительные моменты консервативной и реформистской моделей и содержала бы в себе следующий набор пологендерных ценностей: ценностное отношение обучающихся к представителям обоих полов, преодоление гендерных стереотипов и дискриминации по половому признаку; понимание, принятие и готовность исполнять свою гендерную роль; ценностное отношение к любви, браку, материнству и отцовству.

Анализируя систему современного полового, семейного и гендерного образования в Беларуси, автор приходит к выводу, что во многом стихийно формируется такая гендерная инкультурация, где личность усваивает противоречивые представления о своей пологендерной идентичности. Подобное положение рассматривается как показатель духовного кризиса современного общества. Проводится анализ норм, ценностей и принципов в рамках консервативной и реформистской моделей гендерной инкультурации.

Ключевые слова: *гендерная инкультурация, пологендерные ценности, гендерно-антропологический кризис.*

(Искусство и культура. — 2011. — № 1(1). — С. 100–106)

Sociobiological model of sex difference and its representation in the modern culture

© Tchesnokova O. I.

Educational Establishment "Vitebsk State Technology University", Vitebsk

The article deals with the process of formation of integrative model of gender enculturation which would combine positive moments of conservative and reformist models and would contain the following set of sex and gender values: axiological attitude of disciples to the representatives of both the sexes, negotiation of gender stereotypes and sex discrimination; understanding, accepting and readiness to perform one's gender role; axiological attitude to love, marriage, motherhood and fatherhood.

While analyzing the system of modern sex, family and gender education in Belarus the author comes to the conclusion that such gender enculturation in which personality adopts contradicting ideas of its sex and gender identity is formed spontaneously. Such a situation is considered as an indicator of spiritual crisis of modern society. Analysis of norms, values and principles within the conservative as well as the reform models of gender enculturation is conducted.

Key words: *gender enculturation, sex and gender values, gender and anthropological crisis.*

(Art and Culture. — 2011. — No. 1(1). — P. 100–106)

Современный цивилизованный человек формируется в противоречивых условиях. Среди некоторых основных тенденций развития современной культуры можно выделить слабую интеграцию и запутанность сети социальных отношений, а также индивидуализированность ценностей культуры, среди которых

господствуют идеи потребления. Эти и другие факторы являются свидетельствами антропологического кризиса, который порождает дегуманизацию культуры. Человек все больше превращается в одномерного индивида с установкой на потребление. На антропологические проблемы накладываются проблемы ген-

Адрес для переписки: e-mail: olgabersen@rambler.ru — О. И. Чеснокова

дерные. Они связаны с существованием дискриминации по половому признаку (и это касается не только женщин, но и мужчин), с бытованием в нашем обществе гендерных стереотипов и т. п. Приведем выдержку из недавнего интервью для БЕЛТА министра труда и социальной защиты Республики Беларусь Марианны Щеткиной, которая рассуждает о связи нашего законодательства с жизнью. Она отмечает, что законодательство в области гендерных отношений опережает общественное сознание, так как на нормативном поле Беларуси созданы необходимые условия для реализации в стране гендерного равноправия, но на деле не все так гладко, как на бумаге. Другая грань гендерных проблем — кризис современной семьи, который выражается в наличии «скоротечных» браков, большого числа разводов, неполных семей или семей, в которых муж присутствует лишь формально и не в состоянии выполнять роль ответственного родителя, фактов семейного насилия. Правда, современные женщины начинают осознавать, что если «бьет, то не обязательно любит», однако возникает перекося в противоположную сторону, когда женщина сама становится агрессором. Третья проблема связана с половым, гендерным и семейным воспитанием детей. Сегодня на несистематичное семейное и школьное воспитание накладывается еще и воспитание улицы и влияние средств массовой информации, зачастую излишне эротизированных и ориентирующих на культ бездумного наслаждения.

Целью статьи было рассмотреть процесс формирования интегративной модели гендерной инкультурации.

В Республике Беларусь в настоящее время пока не существует системы полового, семейного и гендерного образования (воспитания и обучения). В школах не читаются курсы «Психология и педагогика семейной жизни», которые преподавались в советское время. В результате во многом стихийно формируется такая модель гендерной инкультурации, в которой личность усваивает противоречивые

представления о своей пологендерной идентичности, что является одним из показателей духовного кризиса современного общества.

С целью достижения достоверности в рассмотрении поставленной проблемы были использованы материалы исследований по проблемам пола и гендера в западной и отечественной литературе, монографическая литература. Определим используемые нами понятия и методологию. Гендерная инкультурация — это процесс усвоения и присвоения пологендерных ролей и осознания своей пологендерной идентичности, осуществляющийся индивидом в конкретной культуре. Гендерная инкультурация реализуется в двух основных формах: консервативной (традиционной, неэгалитарной) и реформистской (нетрадиционной, эгалитарной). Каждая из них содержит в себе свои нормы, ценности, принципы. Однако эти формы не существуют в чистом виде, поэтому для исследования феномена пола используется интегративная методология, с помощью которой осуществляется взаимоналожение двух моделей гендерной инкультурации и анализируются эвристические возможности социобиологической методологии.

В основе консервативной модели лежит, как правило, патриархальное религиозное мировоззрение с присущими ему ценностями традиционализма: абсолютная ценность брака и семьи; ценность целомудрия, признание главной роли мужчины в решении семейных и общественных дел и второстепенной роли женщины как помощницы мужа и «слабого сосуда»; передача подрастающему поколению ценностей «правильной» половой ориентации и буквальное следование данным традиционным ролям (муж — добытчик, жена — домохозяйка). Эта модель сегодня, с одной стороны, многими приветствуется, но с другой — в реальной жизни терпит крах, сталкиваясь с размытыми ценностями современного транзитивного общества, и Беларусь здесь не исключение. По-видимому, данное представление нереализуемо на практике, потому что ностальгически идеализиру-

ет отношения между полами. Эта модель в советское время была подточена марксистско-ленинской теорией семьи, по которой и мужчина и женщина Страны Советов должны были в первую очередь являться строителями коммунизма, а уже во вторую — отличными семьянинами. В эпоху «перестройки» представления о женско-мужских статусах и ролях испытываются на прочность идеологией феминизма или, как мягче она сегодня называется, идеологией гендерных исследований. С точки зрения последней разговор о традиционных ценностях в обществах развивающегося эгалитаризма звучит как позавчерашний день или, даже больше, как пещерный век.

В основе реформистской (релятивной) модели гендерной инкультурации мы находим другие ценности: эгалитаризм (равенство) мужчин и женщин в экономической, социальной, политической и духовной сферах, ценность индивидуального выбора своей пологендерной ориентации, более того, возможность экспериментирования со своей гендерной идентичностью (поскольку она, по определению, относительна и зависит как от социально-культурных ценностей конкретного общества, так и свободного выбора личности), обучение подрастающего поколения гибкому подходу к своей гендерной идентичности. Эта модель сегодня, с одной стороны, очень популярна в кругах феминистски настроенной интеллигенции, ее также поддерживают средства массовой информации, но она нередко вызывает либо недоумение, либо протест и не только у человека «с улицы». Современный западный писатель М. Кундера назвал феминизм китчем, сродни многочисленным идеологиям XX века, где китч — это утрированная имитация форм, связанных в массовом сознании с престижными ценностями. Можно согласиться с таким восприятием феминизма, как феномена моды и престижа, да к тому же еще и вульгаризированного феномена. СМИ общества массового потребления зарабатывают неплохие деньги на скандалах, связанных с интимной жизнью граждан, на по-

казе людей нетрадиционной ориентации, на информации о возможностях смены пола, о би- и транс-сексуализме и т. п.

Таким образом, эгалитарная реформистская модель имеет свои противоречия и шероховатости, однако вернуться назад к консервативной модели, по-видимому, уже невозможно.

Антиподом как эгалитарных реформистских представлений о пологендерных ценностях, так и консервативных является социобиологическая модель взаимоотношения полов. Она представлена теориями, которые в трактовке пола используют методологический принцип биодетерминизма. Наиболее последовательно биодетерминизм как метод осмысления человеческой природы используется в социобиологических (этологических) концепциях К. Лоренца, Э. О. Уилсона, Д. Мак-Фарленда и др. западных исследователей. Среди российских исследователей этими проблемами занимаются В. М. Геодакян, Е. П. Ильин, М. Л. Бутовская и др. Если до XIX века ученые не сомневались в биологической природе половых различий, то XX век серьезно пошатнул данные представления и предложил противоположное решение проблемы — половые различия сконструированы, поэтому мужчиной или женщиной нас делают общество и культура. Думается, что феномен пола нельзя однозначно свести ни к его биологической природе, ни к природе социальной. Однако биологическое, безусловно, является основой для понимания половой дихотомии как в животном, так и в человеческом сообществе. Зададимся вопросом, насколько продуктивны идеи биодетерминизма для понимания природы человеческого пола и природы человеческих взаимоотношений? Социальное поведение людей диктуется разумом и культурной традицией, но оно подчиняется еще и тем закономерностям, которые присущи любому филогенетически возникшему поведению.

Фундаментальной проблемой этологии является вопрос о появлении в природе и культуре полового диморфизма и полового разде-

ления труда. Уже в природе данные феномены достаточно противоречивы, так как, с одной стороны, они определяются естественным отбором, а с другой — могут взаимокоррелироваться, что порождает разнообразные поведенческие стратегии. Половой отбор у человека имеет свои специфические особенности, одной из которых является степень полигамии как важный фактор эффективности полового отбора в человеческом обществе; другой — парные половые стратегии, т.е. не власть одного или власть другого пола, а отношения взаимодополнения и взаимоподстраивания. Таким образом, при анализе человеческого поведения необходимо учитывать как культурные отклонения/приобретения, так и естественный и половой отбор, которые не могут быть исключены как важные факторы в эволюции обсуждаемых признаков. Эта методология, по нашему мнению, может быть использована для анализа половой и гендерной инкультурации в различных человеческих сообществах, а также отношений власти/подчинения в современной культуре.

В России определенной известностью пользуются работы доктора биологических наук В. А. Геодакяна, который утверждает, что социальная концепция пола должна строиться исключительно на естественной биологической основе, так как без понимания эволюционных ролей мужского и женского пола нельзя правильно определить их социальные роли. По его мнению, половой диморфизм существует потому, что мужская и женская часть популяции выполняли и выполняют разные функции. Мужской пол отвечает за качество и обеспечивает разнообразие, а женский — за численность популяции. Женщины хранят информацию о прошлом, а мужчины заботятся о будущем. Дифференциация полов рассматривается им как специализация популяции по двум главным аспектам эволюции: сохранение и изменение генетической информации. Соответственно, женской природе генетически свойственна лучшая «адаптация к существующим условиям», а мужской — «поиск новых путей» [1,

с. 25]. Эти идеи развивает российский ученый Е. П. Ильин. Он отмечает, что в последнее время наблюдается явно односторонний подход в рассмотрении проблемы половых различий, объясняющий имеющиеся различия в способностях и поведении мужчин и женщин только воспитанием и социализацией. Вследствие этого различия между полами в настоящее время в основном изучаются гендерной психологией и социологией, которые делают главный упор на обсуждении социального неравенства женщин по сравнению с мужчинами. При этом роль биологических различий хотя и не отрицается, но оттесняется на второй план. Автор настаивает на том, что первоисточники половых различий надо искать в биологической предназначенности мужчин и женщин и главной проблемой является выяснение того, в какой мере полоролевые стереотипы целесообразны, т.е. соответствуют природе мужчины и женщины, а в какой мере они ошибочны [2, с. 14]. Это заявление можно оценить как серьезный крен в сторону биологизма. Данные идеи подвергаются феминистской критике со стороны противников теории «естественного предназначения полов». Но критика биодетерминизма справедлива лишь отчасти, так как, анализируя даже социальное бытие пола, нельзя, на наш взгляд, обойтись без анализа его биологической составляющей. Социобиологи и эволюционные биологи не столько говорят об «естественном предназначении» мужчины и женщины, сколько констатируют наличие устойчивых культурных особенностей мужского и женского поведения и пытаются дать им функциональное объяснение.

В русле социобиологического подхода в России работает также доктор исторических наук, антрополог М. Л. Бутовская. Областью ее исследования является этология человека и приматов, эволюция человека и антропология пола. В 2005 году вышла ее книга «Власть, пол и репродуктивный успех», в которой она подвергла реконструкции половые отношения, существовавшие на разных этапах эволюции человечества и обосновывала связь между фор-

мированием устойчивых половых пар и удлинением сроков младенчества и детства. Рассуждая о неисповедимости путей полового отбора М. Л. Бутовская с опорой на западных исследователей XX века (Р. Фишер, А. Захави, Р. Трайверс, Д. Саймонс) рассуждает о различных гипотезах полового отбора и различных половых стратегиях животных и человека. Она выявляет следующие гипотезы полового отбора в животном царстве: уклоняющийся (убегающий) отбор, паразитарный отбор, гипотеза сексуальных сыновей и гипотеза сенсорной эксплуатации. Под понятие «успешная половая стратегия» понимается такой способ выживания, в результате которого был удачно выбран партнер, обладающий высоким репродуктивным потенциалом и было оставлено жизнеспособное потомство. Уже Ч. Дарвин в книге «Половой отбор и проблема происхождения человека» подчеркивал, что эволюция мужских и женских признаков идет не потому, что данные характеристики обеспечивают носителю этого признака выживание, а потому, что благодаря этим характеристикам особи получают репродуктивные преимущества. М. Л. Бутовская обращает внимание на парадоксальность этой идеи: «Отсюда следует вывод, который, возможно, удивит не только небиологов, но и некоторых биологов: выживание самого приспособленного далеко не всегда связано с отбором «самого полезного» на видовом уровне индивида» [3, с. 3–4]. Таким образом, межполовой отбор дает преимущества в спаривании, но не обязательно преимущества в выживании.

В 1930 году Р. Фишер в книге «Генетическая теория естественного отбора» постулировал теоретическое положение о решающей роли женских особей во взаимоотношениях полов. Он утверждал, что половой диморфизм формируется вследствие параллельной эволюции данного признака у одного пола (мужского) и влечения к нему другого пола (женского). Речь идет о принципе «женской избирательности», по которому эволюционируют только те половые признаки мужских особей, которые

предпочитают особи женские. Это и есть «убегающий отбор», т. е. процесс, благодаря которому происходит формирование вторичного полового признака и его закрепление в качестве предпочтительного у представителей противоположного пола.

Гипотеза «сенсорной эксплуатации» объясняет феномен межполового отбора тем, что представитель избираемого пола использует предпочтения во вкусах избирающего пола. Например, самцы могут эволюционировать в сторону яркой расцветки или длиннохвостости, которые легко воспринимаются зрительным органом самок и привлекают их.

Возникает вопрос о сущности полового отбора в человеческом обществе. По мнению М. Л. Бутовской, этот вопрос наиболее полно был проанализирован в работе Д. Саймонса «Эволюция человеческой сексуальности» в 1979 году. Он считал, что в человеческих взаимоотношениях необходимо различать то, что находится на поверхности, и то, что в глубине, а именно реально демонстрируемое поведение, которое маскирует глубокие психологические установки относительно противоположного пола. По мысли этого ученого, у мужчин и женщин в процессе эволюции сформировались различные предпочтения, связанные с выбором партнера: 1) мужчины — полигамны, в отличие от женщин, которые больше своих сил вкладывают в потомство; 2) мужчины и женщины обращают внимание на разные качества партнера: мужчины обращают внимание на репродуктивные качества женщин, а женщины — на способности мужчин в обеспечении ресурсами и защитой женщины и ее потомства.

Вторая глава книги М. Л. Бутковской посвящена проблеме соотношения власти и репродуктивного успеха. Автор проводит аналогию межполового взаимодействия высших приматов и людей, утверждая, что в животных обществах существуют базовые различия в отношениях к представителям своего пола. Эти различия сохраняются и у человека, так мальчики друг с другом ведут себя агрессивно и

конкурентно, а девочки — дружелюбно и подчиненно.

Третья проблема автора — это связь между формированием устойчивых пар и удлинением периода детства и юности. Здесь высказывается гипотеза о возникновении уже у древних людей двух практик взаимодействия полов: практики сериальной моногамии (существование пары мужчина–женщина лишь определенное время) и практики умеренной полигамии. По поводу этих идей возникают определенные возражения. Во-первых, их трудно рассматривать как аксиомы, не принимая во внимание социальные и личностные факторы. Во-вторых, заявленные особенности не относятся к разряду глубоко маскируемых психологических установок.

В человеческом сообществе мы можем обнаружить социокультурное противоречие, подобное эволюционному противоречию. Половая стратегия человека такова, что половой отбор мог бы иметь для него большое эволюционное значение только в полигамном обществе, а при моногамии для нового партнера имелось бы очень мало возможностей. Число строгих моногамов в человеческом обществе определить почти невозможно. Антропологические оценки пропорции моногамных обществ колеблются от 16 % до 50 %. Однако и они большей частью отражают лишь обычаи или официальные данные и могут скрывать истинное положение дел. Вероятно, степень строгой моногамности довольно низкая. Но некоторые особенности социальных взаимоотношений между людьми свидетельствуют о поддержании определенной степени моногамности. Это то, что можно назвать социокультурным противоречием, выражающимся в единстве и борьбе полигамии и моногамии. В современной культуре все чаще моногамная стратегия превращается в полигамную, происходит это также и в связи с изменением статуса женщин. Сегодня они становятся все более самостоятельными и все меньше нуждаются в мужчинах-кормильцах и охранниках территории. Прав-

да, при объяснении этих особенностей культуры необходима некоторая доля скептицизма.

Заключение. Итак, каковы некоторые фундаментальные основания человеческой культуры, которые обуславливают противоречивые отношения между полами? Мужчина и женщина, если следовать эволюционной теории, тысячами нитей связаны со своим природным окружением, на них влияют как социокультурные, так и природные (эволюционные) закономерности. Современные феминистские исследователи не уделяют должного внимания этой второй составляющей. Они, как правило, опираются на релятивистскую методологию, поэтому с сомнением относятся к биодетерминизму, усматривая в последнем вариации на темы теории «естественного предназначения полов».

Однако, мы можем констатировать наличие сложного взаимовлияния природного и социального в культуре и человеке. Само природное сопротивление рождает новые культурные нормы, в том числе и нормы полового поведения. По-видимому, это верно и для понимания нашей проблемы, так как объясняет возникновение серьезного расхождения идей гендерной педагогики и педагогики традиционной по вопросу о половом воспитании и половой социализации подрастающего поколения. Пол человека оказывается таким же нестабильным и открытым, как и человеческая природа в целом. Культура, с одной стороны, упрощает и схематизирует половые различия, а с другой — делает их динамичными и релятивными. В этом, по нашему мнению, заключается одно из основных культурно-эволюционных противоречий пола, которое не только по-разному разрешается с помощью как культурных, так и биологических механизмов, но и по-разному интерпретируется в различных теориях.

Одним из средств преодоления гендерно-антропологического кризиса, существующего не только на практике, но и в теории, может явиться формирование интегративной модели гендерной инкультурации, которая соединяла

бы в себе положительные моменты консервативной и реформистской моделей и содержала бы в себе следующий набор пологендерных ценностей: ценностное отношение обучающихся к представителям обоих полов, преодоление гендерных стереотипов и дискриминации по половому признаку; понимание, принятие и готовность исполнять свою гендерную роль; ценностное отношение к любви, браку, материнству и отцовству [5, с. 151].

ЛИТЕРАТУРА

1. Геодакян, В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека / В. А. Геодакян // Человек в системе наук. — М., 1989. — С. 21–30.
2. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб., 2002. — 314 с.
3. Бутовская, М. Л. Власть, пол и репродуктивный успех / М. Л. Бутовская. — М., 2005. — 65 с.
4. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. — М., 1998. — 412 с.
5. Шумская, Л. И. Качество и эффективность воспитательного процесса в вузе / Л. И. Шумская. — Минск, 2007. — 263 с.

Поступила в редакцию 5.05.2010 г.

Репозиторий ВГУ